

Г.Б. Капбасова, Т.А. Абитаева, Д.А. Жансерикова

**ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА БУДУЩЕГО У МУЖЧИН –
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТИТУЛЬНОЙ НАЦИИ КАЗАХСТАНА
И ЭМИГРАНТОВ ГРУЗИН**

Аннотация: в статье рассматривается взаимодействие людей разных культур, особенно в ситуации возрастающей миграции населения. Большинство обследованных эмигрантов можно охарактеризовать как людей, предпринимающих попытки изменения образа жизни, в том числе, её временного измерения посредством пространственного перемещения без изменения смыслового содержания картины мира, что может рассматриваться как глобальный фактор, затрудняющий процесс адаптации на новом месте жительства.

Ключевые слова: образ будущего, интеграция эмигрантов, адаптация, социокультурная среда, детерминация поведения.

G.B. Kapbasova, T.M. Abitaeva, D.A. Zhanserikova

**FEATURES OF THE IMAGE OF THE FUTURE AT MEN –
REPRESENTATIVES OF THE TITLE NATION OF KAZAKHSTAN AND
EMIGRANTS THE GEORGIAN**

Abstract: the article deals with the interaction of people from different cultures, especially in a situation of increasing migration. Most surveyed immigrants can be described as people who attempt lifestyle changes, including its temporal dimension by spatial movement without changing the semantic content of the picture of the world that can be seen as a global factor, complicating the process of adaptation to the new place of residence.

Keywords: image of the future, integration of migrants, adaptation, socio-cultural environment, determination of behavior.

Особая роль отводится современными психологами его будущему, поскольку с этим измерением времени связана особая детерминация поведения:

цели, намерения, надежды и замыслы выводят человека туда, где еще ничто из представляемого не реализовано, а существует только как возможность, то есть в будущее. В связи с этим психология все чаще обращается к изучению образа будущего.

Особое значение образ будущего приобретает в социальном взаимодействии людей разных культур, особенно в ситуации возрастающей миграции населения, что актуально и для Казахстана. Большинство обследованных эмигрантов по данным разных исследователей можно охарактеризовать как людей, предпринимающих попытки изменения образа жизни, в том числе, её временного измерения посредством пространственного перемещения без изменения смыслового содержания картины мира, что может рассматриваться как глобальный фактор, затрудняющий процесс адаптации на новом месте жительства. Именно это послужило отправной точкой для выбора цели исследования.

В психологической науке с момента появления работ К. Левина, Ж. Нюттена стали говорить о трансформации потребностей в целевые объекты и структуры «средство-цель», благодаря которым предвосхищение все дальше отходит от настоящей ситуации и образует углубленную перспективу. В этом же ряду стоят представления К.А. Абульхановой-Славской о личностной организации жизненного пути человека и его субъективного времени; концепция образа мира А.Н. Леонтьева, который включает в себя не только настоящий момент, но и всю сложную систему наших ожиданий, связанных с прошлым опытом, и прогнозов о том, что произойдет в будущем; представление о личностной обусловленности процесса построения образа будущего Е.В. Разгоняевой; положение В.Е. Ключко о временной транспективе и понимание образа будущего как пространства возможностей человека [1–4], ставшие основой нашего исследования. Важны для понимания феномена будущего и его роли в жизнедеятельности человека представления о социокультурной детерминации образа будущего Ж. Нюттена и Ф. Зимбардо, а также данные эмпирических исследований мигрантов, в частности, миграционной готовности С.А. Смирнова [5], установившего факт недифференцированности образа будущего у потенциальных мигрантов.

В предпринятой нами работе была совершена попытка сравнительного анализа образа будущего у эмигрантов, уже некоторое время проживающих на территории Казахстана, то есть, имевших возможность адаптироваться к новым условиям жизни, и представителей титульной нации как коренных казахстанцев.

Исследование проводилось среди мужчин как наиболее социально активной части сообществ. Выборка формировалась на условии добровольного участия и включала 60 человек в возрасте от 25 до 45 лет, половина из которых была представлена коренными казахами, а вторая половина – эмигрантами грузинами. Представители обеих групп имеют высшее образование, работают по профессии. По остальным параметрам (вероисповедание, семейное положение, уровень материального благополучия) выборка гетерогенна.

«Циклический тест времени» Т. Коттла позволял определить характер отношений временных измерений жизни (прошлого, настоящего, будущего) в представлении самого человека. Результаты теста обнаружили, что и в группе казахов, и в группе грузин для одинакового числа мужчин (63,33% соответственно) прошлое, настоящее и будущее не связаны друг с другом, то есть автономны в своём существовании, а значит, нарушено представление о непрерывности времени. Из 36,67% мужчин обеих групп, в образе которых обнаруживается тот или иной вариант связности времен, лишь 10% казахов и 3,33% грузин имеют целостный образ непрерывно текущего времени, который можно назвать «линейным» по аналогии со стрелой времени, где прошлое связано с настоящим, а настоящее с будущим. Ещё у одного испытуемого казахской выборки (3,33%) образ времени носит целостный, но нелинейный характер: в нём все измерения времени взаимосвязаны, имеют область перекрытия, перехода друг в друга и как бы синхронизированы в своём существовании в момент перехода. Такой образ времени, как нам кажется, в наибольшей степени соответствует понятию трансспектива, которое основано на идее системной детерминации – новообразования, рождающиеся в настоящем, определяют облик будущего и переопределяют облик прошлого [4].

По разу (по 3,33% соответственно) в обеих выборках встречаются два других вида связи модусов времени, трудно соотносимых с привычным представлением о непрерывности и последовательности его течения: а) прошлое связано с настоящим и с будущим, б) будущее связано с настоящим и с прошлым. Это можно трактовать как подчёркивание «вклада» одной из темпоральных составляющих в существование двух других, представление о том, что развитие любого процесса во времени определяется либо прошлым, либо будущим. Так же встречаются рисунки с изображением двух времен вместе, а третьего отдельно, что может свидетельствовать об инкапсуляции этого временного периода, дистанцировании от него. Так, в обеих выборках по разу (в 3,33% случаев) отделены прошлое и настоящее. Изолированное изображение будущего в выборке казахов встречается также единожды (в 3,33% случаев), в группе же грузин – в шесть раз чаще (в 20% случаев), причем, это различие статистически достоверно ($\varphi^*_{эмп} = 2,144, p = 0,015$). Следовательно, можно утверждать, что, по сравнению с коренным населением, грузины чаще в своём настоящем опираются на прошлое, тогда как будущее для них весьма неопределённо и вызывает беспокойство.

Своеобразным подтверждением этого стал анализ значимости, или ценностно-смысловой наполненности каждого из времён, определяемой по размеру кругов. В процентном отношении результаты выполнения методики обеих групп представлены на рисунке 1.

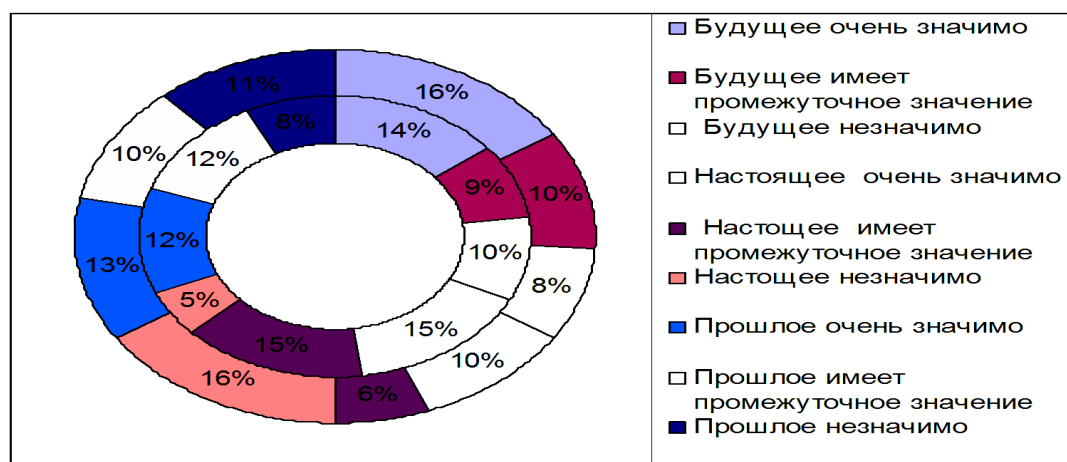

Рис. 1. Характеристика значимости составляющих времени у мужчин казахов и грузин

Примечание: внутренний ряд – мужчины-грузины; внешний ряд – мужчины-казахи.

Различия, выявленные на этом этапе анализа, незначительны и статистически недостоверны, за исключением отношения к настоящему. В половине случаев мужчины казахи настоящее рассматривают как наименее значимое из всех модусов времени, тогда как эмигранты грузины всего в пяти случаях обнаруживают такое отношение, и различие статистически подтверждается ($\chi^2_{эмп} = 3,772$, $p < 0,0001$). Тем не менее, если упорядочить по степени значимости модусы времени, получится такая последовательность:

- казахи: будущее (26%); прошлое (23%); настоящее (16%);
- грузины: настоящее (30%); прошлое (24%), будущее (23%).

Можно говорить, что эмигранты склонны к «онтологизации» настоящего, а представители коренного населения – к его дезактуализации.

Всего высоко и в средней степени значимыми модусы времени оцениваются в выборке казахов в 65% случаев, в выборке грузин – в 77% случаев. Как о тенденции можно говорить, что такой аспект жизни, как её временная организация, в меньшей степени осмысливается со стороны его ценностно-смысловой наполненности мужчинами казахского этноса по сравнению с представителями грузинской диаспоры. При этом и у тех, и у других можно говорить об искажении временной транспективы, которое проявляется не только в нарушении связности времён, но и в гипертрофии/гипотрофии роли одного или двух временных измерений во временной организации жизни.

Ответы на вопрос о том, благодаря чему будущее стоит на первом месте по степени смысловой наполненности в группе мужчин казахов и на последнем – у эмигрантов грузин, дали результаты многофакторной шкалы отношения к будущему Нюттена, которые представлены в виде графика на рисунке 2.

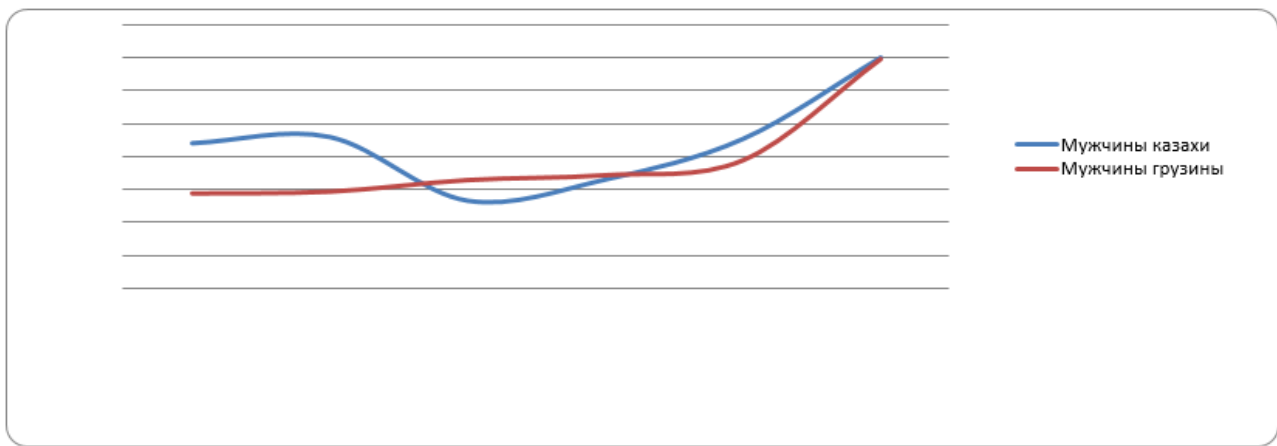

Рис. 2. График средних величин показателей отношения к будущему у мужчин казахов и грузин

Возможный диапазон оценок в данной методике от 0 до 7 баллов. Как видно из рисунка, у мужчин обеих выборок величины всех факторов, кроме показателя общей аффективной оценки, находятся в диапазоне средних значений и мало отличаются друг от друга. У мужчин эмигрантов усреднённые показатели по пяти факторам варьируют в диапазоне 0,3 балла, что говорит о слабой дифференцированности их образа будущего, ненамного больше дифференцирован этот образ у представителей титульной нации Казахстана – диапазон варибельности 0,4 балла. Тем не менее, рассматриваемые факторы образуют разные тенденции структурирования образа будущего у представителей обеих групп. Так, ведущим в группе мужчин казахов является внутренний контроль в отношении будущего, затем следует отдалённость будущего во времени, его структурированность, ценность и степень сложности. В группе грузин – отдалённость будущего во времени, его ценность, степень сложности, внутренний контроль и структурированность. При этом, мужчинами казахами по сравнению с мужчинами грузинской диаспоры будущее воспринимается как несколько более отдалённое, чуть менее ценное и более простое, но при этом в большей мере подвластное контролю и более структурированное. Различия между группами в распределении результатов по шкале «внутренний контроль», выявленные с помощью критерия Манна-Уитни, оказались достоверными ($U = 266,0000$, $p = 0,0065$). Это значит, что, в отличие от эмигрантов грузин, мужчины казахи, поскольку имеют несколько более

отчётливое представление о своем будущем как достаточно упорядоченном и структурированном, основной смысловой доминантой считают личный контроль над развитием событий, от чего в первую очередь зависит реализация того, что уже определено как их будущее. Важно, что при этом для представителей обеих групп будущее обладает выраженной эмоциональной привлекательностью

Подводя итоги исследования, можно следующим образом сформулировать его основные результаты:

1. У подавляющего большинства мужчин обеих выборок исследования, коренных казахов и эмигрантов грузин, имеются признаки искажения временной транспективы:

– прежде всего, это проявляется в том, что прошлое, настоящее и будущее в их восприятии либо не связаны друг с другом, либо связаны своеобразно, вследствие чего нарушается целостность и непрерывность времени;

– кроме того, значение одной из темпоральных составляющих временной организации жизни либо преуменьшается, либо преувеличивается по сравнению с другими.

2. Наибольшей смысловой наполненностью для мужчин казахов обладает будущее и, несколько меньшей, – прошлое, настоящему придается второстепенное значение. Представители грузинской диаспоры, напротив, склонны жить настоящим, в силу чего смыслы прошлого и будущего отступают на второй план. При этом для представителей обеих групп будущее обладает выраженной эмоциональной притягательностью.

3. Вместе с тем, образ будущего у мужчин обеих групп мало дифференцирован. Как о тенденции можно говорить, что будущее в представлении мужчин казахов более структурировано – оно видится им определенным и упорядоченным, достаточно простым с точки зрения возможных затруднений, зависящим от их способности контролировать развитие событий, но отдалённым во времени. Эмигранты грузины видят будущее в чуть более короткой перспективе – оно приближено к настоящему, при этом осложнено проблемами, что порождает чувство большей неопределенности будущего и зависимости от обстоятельств,

неподвластных их личному контролю (это отличие от мужчин казахов статистически достоверно).

Можно полагать, что именно это различие в образе будущего лежит в основе специфического искажения временной транспективы мужчин обеих выборок, а также выступает важнейшим фактором в процессах адаптации и интеграции эмигрантов в новой социокультурной среде.

Список литературы

1. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ) / В.Е. Ключко. – Томск: Томский государственный университет, 2005. – 189 с.

2. Леонтьев А.Н. Образ мира. Избранные психологические произведения / А.Н. Леонтьев. – В 2-х т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2 – С. 251–261.

3. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.

4. Разгоняева Е.В. Личностная обусловленность процесса построения образа будущего: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.В. Разгоняева. – Барнаул, 2004. – 28 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://наука-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-lichnostnaya-obuslovlennost-protssessa-postroeniya-obraza-buduschego#ixzz2TrPk7xdU>

5. Смирнов С.А. Миграция как предмет психологического исследования / С.А. Смирнов // Тенденции развития психологической науки на пороге XXI-го века: Материалы региональной науч.-практ. конф. – Караганда, 2000. – С. 294–300.

Капбасова Гулзада Байыровна – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии, Карагандинский Государственный Университет, Казахстан, Караганда.

Kapbasova Gulzada Bairovna – candidate of psychological sciences, docent chair of psychology, Karaganda State University, Kazakhstan, Karaganda.

Абитаева Торгын Ахмаровна – старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, магистр педагогики и психологии, Центрально-Казахстанская Академия, Казахстан, Караганда.

Abitaeva Torgyn Ahmarovna – senior lecturer chair of psychology and pedagogy, master of pedagogy and psychology, Academy of Central Kazakhstan, Kazakhstan, Karaganda.

Жансерикова Дыбыс Аманкелдиевна – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии, Карагандинский Государственный Университет, Казахстан, Караганда.

Zhanserikova Dybys Amankeldievna – candidate of psychological sciences, docent chair of psychology, Karaganda State University, Kazakhstan, Karaganda.
